

первые лица

— MB&F Horological Machine №3 FrogX выпущены к 10-летию модели в трех лимитированных сериях разного цвета по 10 экземпляров

ВИРУС МНОГОЕ РАССТАВИТ ПО МЕСТАМ МАКСИМИЛИАН БЮССЕР, MB&F

— MB&F Horological Machine №3 FrogX. «Часовая машина», впервые появившаяся в 2010 году, получила новый корпус из сапфирового стекла

— MB&F Legacy Machine Perpetual EVO Blue. Часы с вечным календарем, разработанные в сотрудничестве со Стивеном Макдоннеллом и получившие в 2016 году награду в категории календарей на Женевском гран-при, вышли в новом корпусе из циркония 44 мм и в трех цветах: синем, оранжевом и черном

мы выйдем из эпидемии сильнее, чем были, как всякий человек из травмирующей ситуации, которую он смог пережить

Создатель марки MB&F Максимилиан Бюссер вместе с Эдуаром Мейланом получил на Женевском Гран-при награду «За храбрость» за Endeavour Cylindrical Tourbillon H. Moser X MB&F. Но на вручение не приехал, поскольку уже несколько лет живет в Дубае. Хорошо, что мы встретились с ним до этого в Женеве.

— Где мы с вами увидимся в следующий раз? Салонов не будет. Вы не жалеете о смерти Базеля и Женевы?

— Да нет, они не умерли, они воскреснут.

— Оба салона? Сейчас все говорят, что лучше пусть марки сами отправятся к клиентам.

— Подумайте сами, разве сработает? Когда вы приходите к агенту в магазин, он совсем не в настроении что-то у вас покупать. Невозможно продать человеку что-то в тот момент, когда он сам занят продажей. Я сам так реагирую, когда на стенде в Женеве или в Базеле мне хотят что-то всучить. Люди, которые ищут работу, рекламщики, которые пытаются продать полосы в своем журнале. Отстаньте! Зачем вы пристааете ко мне в те две недели в году, когда я как раз продаю? Так вот, на салоны агенты приезжают в правильном, покупательском, а не в продавательском настроении.

— Как же справиться с кризисом, если встречи запрещены?

— Часовой мир захворал гораздо раньше вируса. Женевы против Базеля, Базель против Женевы. Я мечтаю о салоне, который стал бы объединяющим после стольких лет сепаратизма. Чтобы марки, пригласив журналистов, не говорили: «Туда ходи, сюда не ходи». А вместо этого сказали бы: «Мы здесь, мы все в вашем распоряжении».

— Августовские Geneva Watch Days могут быть примером?

— Отчасти да. Они родились после отмены Женевского салона в апреле. Мне позвонил глава одной выдающейся марки, потом глава другой выдающейся марки, оба предлагали сделать что-то вместе. Я тоже позвонил дру-

зьям, подключились другие участники, которые не вели себя как конкуренты, как враги. Не было никакого политбюро, выставочного комитета, мы сбросились и построили тент на набережной. Не хочу сказать, что это был идеальный салон, но его собрала команда добровольцев, которая решила, что нам всем лучше вместе, чем по отдельности. Так сказать, with a little help from my friends.

— Недаром вы назвали свою марку MB&F, «Максимилиан Бюссер и друзья». Союз в названии для вас важен?

— Ну да, я «человек-союз». Мы сделали с H. Moser & Cie совместный проект, наш Endeavour Cylindrical Tourbillon H. Moser X MB&F. За четыре дня их раскупили! Просто чтобы быть вместе, надо иметь одни и те же ценности. Если все думают только о том, как заработать деньги, а кто-то один мечтает делать часы, все пропало.

— Вы живете в Дубае, ваша марка — в Женеве. Раньше это было пустяковым препятствием. А теперь, когда путешествия невозможны?

— Я был в ужасе, мне казалось, что мир рухнул. 24 из моих 26 агентов закрыли магазины, поставщики прекратили поставки. Я сказал команде, что мы потеряем процентов 50 оборота и надо все покрывать, правда, не рабочие места, этого я ни в коем случае не хотел. Меня успокаивали: «Вот увидите, к июню все исправится, появится вакцина». Я отвечал: «Не ждите! Вакцину от СПИДа не сделали до сих пор». Но потом появился «Зум»... Все оставались дома, но виделись в сто раз чаще, чем если бы мы были в бюро. Все заработало, мы перестроили компанию, продажи пошли. Мы выйдем из эпидемии сильнее, чем были, как всякий человек из травмирующей ситуации, которую он смог пережить.

— Вы оптимист, потому что все думают, что часовой мир рухнет. И маленькие марки, и большие.

— Маленьким в чем-то проще. Если маленькой лодочке надо повернуть, я переложу руль и мы повернем. Когда вы на «Титанике», это посложнее. Инерция — самая большая опасность, надо брать пример с компьютерных компаний, которые перестраиваются каждые шесть-семь месяцев, а не так, как мы, раз в двадцать лет. Я надеюсь, что вирус многое расставит по местам.

— В смысле — все умрут?

— Гиганты не умирают никогда. «Кодака» и «Нокии» у нас, часовщиков, нет. Наши технологии, к счастью, не меняются.

— Есть ли сейчас в часовом деле громовержцы и пророки вроде покойного Николая Хайека-старшего или ныне здравствующего Жан-Клода Бивера? Что-то не хватает авторитетов.

— Есть люди, теоретически способные их однажды заменить, но я не вижу никого, кто хотел бы встать на их место. Мудрость есть у многих, но я не вижу никого, кто хотел бы ею поделиться. Надо выйти на сцену, надо проповедовать, надо поучать, это не очень приятно.

— Может, вы возьметесь?

— Нет, потому что я не вижу себя в этой роли. Мне 53 года, но у меня нет ни малейшего желания поучать. Я просто получаю огромное удовольствие, когда могу кому-то помочь. Допустим, есть люди, которые не отказались бы стать апостолами, но я не готов сделаться для них новым Иисусом.

Беседовал Алексей Тарханов